

Д Ж Е С М И Н У О Р Д

**Пойте,
неупокоренные,
пойте**

J E S M Y N W A R D

**Sing,
Unburied,
Sing**

Д Ж Е С М И Н У О Р Д

Пойте,
неупокоренные,
пойте

РОМАН

Перевод с английского
Максима Череповского

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

This edition is published by arrangement with MASSIE & MCQUILKIN
LITERARY AGENTS and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Уорд, Джесмин.

У64 Пойте, неуспокоенные, пойте : роман / Джесмин Уорд; пер. с англ.
М. ЧЕРЕПОВСКОГО. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-17-156561-9

В этой истории три рассказчика. Леони, далеко не идеальная мать двоих детей, в вечном конфликте с собой и с окружающими. Ее тринадцатилетний сын Джоджо, который куда больше, чем Леони, заботится о своей пятилетней сестренке, учится у деда тому, что значит быть мужчиной. И еще один рассказчик — это погибший в тюрьме Парчман мальчик Ричи, ровесник Джоджо. Леони с детьми отправляется в ту самую тюрьму, забирать их только что освобожденного отца, Майкла. В пути по Миссисипи и сами герои, и читатели узнают многое и о тайнах семьи, и о тяготах жизни на американском Юге.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-156561-9

- © Jesmyn Ward, 2017
- © М. Череповский, перевод на русский язык, 2024
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
- © ООО “Издательство АСТ”, 2024
Издательство CORPUS ®

*Посвящ ется
Норин Элиз бет Дедо —
моей м тери,
полюбившей меня
еще до моего первого вздох
и подтвержд вшей эту любовь
к ждую секунду
моей жизни.*

Кого мы ищем? Кого мы ищем?
Мы ищем Эквиано.
Может, он ушел к ручью? Пускай вернется к нам.
Может, он ушел на ферму? Пускай вернется к нам.
Мы ищем Эквиано.

Африканская песня на языке семьи Ква, посвященная
исчезнувшему мальчику по имени Эквиано

Память — штука живая, и она тоже пребывает
в движении. Но в моменте все, что вспоминается
человеку, соединяется и оживает — стар и млад,
прошлое и настоящее, живые и мертвые.

ЮДОРА УЭЛТИ “Рождение одной писательницы”

Залив блестит, но тускло, как свинец.
Железной кромкою сияет брег Техаса.
Бездомен я — пока кипенье лета,
Бурля и клокоча от года к году,
Ждет того дня, когда во имя Бога
Огнем и углями развернется закат
Над головами тех, кто помыкает нами,
Евангелье которых — кнут и пламя,
И век за веком мертвые молчат.

ДЕРЕК УОЛКОТТ “Залив”

Глава 1

Джджо

Мне нравится думать, что я знаю, что такое смерть. Что я могу смотреть на нее прямо. Па просит помочь ему; за поясом у него заткнут черный нож. Я выхожу следом за ним из дому, стараясь прямо держать спину, плечи ровень — как у вешалки. Как у Па. Я старательно делаю вид, что не вижу в происходящем ничего необычного, что мне это будто бы даже не в новинку, чтобы дать понять деду: я не зря ел свой хлеб все эти тринадцать лет. Чтобы он понял, что я потяну — смогу отделять внутренности от мышц, вытаскивать органы из полостей. Чтобы понял, что я не чураюсь крови. Сегодня мой день рождения.

Я останавливаю рукой захлопывающуюся за мной дверь и аккуратно притворяю ее — не хочу, чтобы бабуля с Кайлой проснулись и не обнаружили нас дома. Пускай спят. Пускай Кайла, моя маленькая сестренка, спит — всякую ночь, когда Леони на работе, она просыпается каждый час, садится на кровати и кричит. Пускай бабуля тоже спит — химия и так высушила

и опустошила ее, как палящее солнце и ветер сгнаивают черный дуб. Па петляет между деревьями, сам прямой, поджарый и смуглый, как молодая сосна. Он сплевывает в сухую красную землю, а ветер качает кроны деревьев. Холодно. Упрямая вышла весна — всего-то пара теплых деньков была. Холод никак не уходит, словно вода из засорившейся ванны. Толстовка осталась на полу в комнате Леони, в которой я спал, а футболка совсем тонкая, но я терплю и не потираю руки: поддамся холоду — точно вздрогну или не сдержу гримасы, когда Па перережет глотку козлу. А уж Па-то точно заметит — с него станется.

— Пускай спит малышка, — говорит он.

Дом наш, длинный и узкий спереди, дед построил сам — поближе к дороге, чтобы пришлось поменьше деревьев вырубать на участке. Свинарник, курятник и загон с козами он расположил на полянках между деревьями. Путь к козам лежал как раз мимо свинарника. Земля здесь черная и влажная от дерьма, и с тех пор, как Па отстегал меня в шесть лет за то, что я бегал тут без обуви, я ни разу не ступал сюда босиком. “Глистов наживешь”, — сказал он мне тогда. Тем вечером он мне рассказал, как они с братьями и сестрами играли в детстве босиком, потому что обувки у всех было по одной паре на каждого, и то для церкви. У них у всех были глисты, которых они в сортире вытаскивали у себя из задниц. Па я об этом не сказал, но рассказ вышел надежнее порки.

Па выбирает несчастного козла, затягивает ему петлей веревку вокруг шеи и выводит его из загона. Остальные блеют и толпятся вокруг него, бодают в ноги и лизут его штаны.

— Пшли! Пшли, кому говорю! — отпихивает их ногами Па.

Мне кажется, козы все понимают — я вижу это по тому, как агрессивно они бодают Па, кусают и тянут его за штаны. Мне кажется, они знают, что означает эта незатянутая веревка на шее. Белый с черными пятнами козел прыгает из стороны в сторону, сопротивляется, словно зная, что его ждет. Па тащит его мимо свиней, уже сгрудившихся у ограды загона и хрюкающих, прося у Па корма, дальше по тропинке к сараю, что у дома. Сухая листва хлещет меня по плечам, оставляя на руках длинные и тонкие белые линии.

— Па, а почему ты не срубишь тут деревья?

— А места мало потому что, — отвечает он. — Да и не надо никому видеть, что у меня тут за хозяйство.

— Но животных-то сразу слышать, с дороги еще.

— Так ежели на них тут кто позарится, я их сразу по шороху деревьев-то и услышу.

— Думаешь, какие-нибудь из наших животных дадут себя украсть?

— Нет. Козы злоющие, а свиньи умнее, чем ты думаешь. И тоже злобные. Кто их не кормит постоянно, к кому не привыкли — тяпнут-то как следует.

Мы с Па заходим в сарай. Па привязывает козла ко вбитому в пол столбику — животное взвизгивает.

— Кто ж скотину на виду-то держит? — добавляет он. Оно и верно — никто в Бойсе не держит скот на открытом поле или перед домом.

Козел мотает головой, тянет веревку, пытается сбросить петлю. Па седлает животное и хватает его под подбородок.

— Ну, Большой Джозеф, — отвечаю я.

Хочется выглянуть наружу, смотреть на холодный, ясный весенний день спиной, но я заставляю себя смотреть прямо на деда, задирающего повыше голову обреченного на смерть козла. Па фыркает. Не хотелось упоминать это имя. Большой Джозеф — мой белый дедушка, а Па — черный. С Па я живу с самого рождения, а белого дедушку видел лишь дважды. Большой Джозеф высок, толст и совсем не похож на Па. Он не похож даже на моего отца Майкла, поджарого и покрытого с ног до головы татуировками. Он их делал так, как люди покупают сувениры — на память, у мастеров-любителей в Бойсе, на берегу, когда ходил в море, и в тюрьме.

— Вот так вот, — говорит Па.

Он валит козла с ног, как один борец — другого, и у скотины подгибаются колени. Козел падает мордой в грязь и смотрит на меня снизу вверх, вытирая щекой пыль с окровавленного пола сарая. Смотрит с мольбой, но я не отвожу взгляда — даже не моргаю. Па делает надрез. Козел взвизгивает от неожиданности, но быстро захлебывается — повсюду разливается и смешивается с грязью кровь. Ноги у козла подгибаются, как резиновые, и ослабевают, Па его уже толком не держит. Миг — и Па поднимается, затягивает веревку вокруг ног козла и вздергивает тушу на свисающем с балки крюке. Глаз животного все еще влажен. Он глядит на меня так, словно это я перерезал ему горло, словно это я выпустил ему всю кровь, окрасив его его пухлую мордочку.

— Ну что, готов? — спрашивает Па, мельком стрельнув глазами в мою сторону.

Я киваю. Мои брови нахмурены, а лицо напряжено до предела. Стараюсь расслабиться, пока Па делает разрезы у ног животного, намечая линии.

— Хватай вот тут, — говорит Па, показывая на разрез на животе козла. Я запускаю туда ладонь и хватаюсь. Внутри все еще тепло и мокро. Держись, велю себе, держись.

— Тяни, — командует Па.

И я тяну. Теперь козел вывернут наизнанку. Повсюду слизь и вонь — острая и гниlostная, словно в сарай вошел пару недель не мывшийся мужик. Шкура отходит от мяса, словно кожура от банана. Я всегда удивлялся тому, как легко она отходит, если потянуть. Па сдирает шкуру с другой стороны, отрезая и сдергивая, когда доходит до ног. Я стягиваю шкуру вдоль ноги до самого копыта, но сдернуть ее, как Па, не могу — дальше он.

— Давай с другой стороны, — велит Па.

Я берусь за разрез напротив сердца. Здесь тело козла еще теплее, и я гадаю, не оттого ли это, что его сердце в панике забилося так сильно, что нагрело грудь. Но тут я замечаю, что Па уже сдергивает шкуру с копыта, и понимаю, что замешкался из-за своих мыслей. Не хочу, чтобы он принял мою медлительность за робость и слабость духа, решил, что я не могу спокойно смотреть на смерть, как подобает мужчине, а потому хватаюсь покрепче за шкуру и тяну. Па сдергивает последнюю полосу шкуры с копыта, и вот туша животного уже висит под потолком голая — лишь розовое мясо поблескивает в немногих пробивающихся в сарай лучах света. От козла осталась только мохнатая морда,

и это почему-то еще хуже, чем когда Па перерезал ему глотку.

— Тащи ведро, — говорит Па.

Я стаскиваю с одной из полок у задней стены сарая металлический таз и ставлю под тушей. Подбираю уже деревенеющую шкуру и складываю в посудину — четыре куска.

Па делает надрез вдоль туши от середины живота и в ведро валятся внутренности. Он продолжает резать, удушливая вонь бьет так, словно ты упал лицом в кучу свиного дерьма. Пахнет трупом, гниющим в лесной глуши, который и заметить можно только по вони да по вьющимся вокруг стервятникам. Пахнет опоссумом или броненосцем, которого переехала машина и который остался гнить на асфальте дороги в жару. Только хуже. Пахнет еще хуже — это запах смерти, гнили, зарождающейся в трупe чего-то только что сдохшего и еще не остывшего от горячей крови и жизни. Я кривлю физиономию, пытаюсь изобразить лицо, которое делает Кайла, когда злится или теряет терпение — со стороны тогда кажется, будто она учуяла что-то мерзкое: зеленые глаза прищуриваются, нос напружинивается грибочком, а из-за приоткрытых губ показывается дюжина крохотных молочных зубов. Изобразить это я пытаюсь потому, что подспудно надеюсь, сморщив нос, выдавить из него этот мерзкий запах, отрезать гнилостной вони дорогу внутрь головы. Я понимаю, что передо мной лежат в ведре козлиные желудок и кишки, но вижу перед глазами лишь скривившееся личико Кайлы да влажные глаза козла. Я больше не могу смотреть — выбегаю из са-

рая; меня рвет на траву снаружи. Лицо словно пы-
лет огнем, а руки совсем холодные.

Из сарая выходит Па с реберной частью туши в руке.
Я утираю рот и гляжу на него, но он не смотрит
на меня — кивает вместо этого в сторону дома.

— Кажись, малышка плачет. Ты бы сходил, проверил.
Засовываю руки в карманы.

— Помощь не нужна?

Па качает головой.

— Справлюсь уж, — отвечает он и смотрит наконец
на меня, но без жесткости во взгляде. — Ступай.

А затем поворачивается и возвращается в сарай.

Па, видать, слышалось — Кайла спит. Ле-
жит на полу в одних подштанниках и желтой фут-
болке, раскинув ноги и руки, слово пытаюсь обнять
воздух. Я сгоняю с ее коленки муху — надеюсь, та
на ней просидела не все время, что мы с дедом про-
вели в сарае. Они питаются гнилью. Когда я был ма-
ленький и еще называл Леони мамой, она говорила
мне, что мухи едят дерьмо. Тогда в жизни еще было
больше хорошего, чем плохого. Тогда она раскачи-
вала меня на качелях, которые дед повесил на ветке
одного из пеканов перед домом, сидела и смотрела
со мной телевизор на диване, глядя меня по голове.
Это было до того, как она почти перестала появляться
дома. До того, как начала снюхивать толченые таб-
летки. До того, как пустяковые гадости, которые она
мне говорила, начали скапливаться и больно вре-
заться в кожу, как песчинки в рассаженную коленку.
Тогда я еще Майкла называл *П*. Он тогда еще жил